

Территория Творчества
Девять Жизней

Девичник

Валентина Спирина
Девять жизней. Девичник

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять жизней. Девичник / В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909978-5

Девичник — это творческое ответвление от сборника «Девять жизней». Здесь только прекрасная женская половина, наполняющая содержание книги трепетом, страстью, любовью, сказкой, чувствами и нежностью. Здесь можно поговорить по душам, выслушать и быть услышанным, порадоваться и проявить сочувствие. Усаживаемся поудобнее и мысленно наполняем бокалы восхитительным напитком из переплетения творческих линий, наслаждаясь терпким послевкусием вдохновения.

ISBN 978-5-44-909978-5

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Юлия Алексеева	6
Ангел Удача	7
Однолетняя жизнь	8
Дождливый ноябрь	9
Занавешиваю время	10
Зацелованный солнцем	11
Фамилия Радость	12
Зиме. Прощальное	13
Вдохновение	14
Стихи	15
Меня вдохновляют	16
Любить	17
Чайные гномы	18
Обнажённая осень	19
Осень	20
Вальс осенних листьев	21
Рыжее Чудо	22
Ольга Борина	23
До дрожи...	24
Небрежность...	25
Ровно...	26
Слишком...	27
Впотьмах...	28
На выдохе...	29
Врозь...	30
Не больше, чем...	31
Пустынные улицы...	32
А в это время...	33
Только шорохи...	34
Знай...	35
Сквозь...	36
Непреренно...	37
Детально...	38
Отпечатки...	39
Вечереет...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Девять жизней Девичник

Редактор Валентина Спирина
Корректор Валентина Спирина

ISBN 978-5-4490-9978-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Юлия Алексеева

Россия – Санкт-Петербург

Ангел Удача

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой, по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих.

Ангел стоял на крыше пятиэтажки, подставив руки под капли. Ему нравилось наблюдать как дождь стекает по его красивым тонким пальцам.

Мысленный призыв названного брата прервал его любованье. Вих* (именно такое имя было дано ему при рождении) расправил огромные крылья. Они были почти чёрными. Одно перо на правом крыле выбивалось из безупречной гармонии белым пятном.

Ангел улыбнулся. Сегодня он исправит это, закончит свою работу и обретет долгожданное бессмертие.

Несколько минут полёта по вечернему городу и ангел оказался на другой крыше, где его ждал брат – высокий, темноволосый Сурум*. Дождь стих.

– Рад тебя видеть, Вих! – брат кивнул головой в сторону темного силуэта, стоящего на краю крыши, – Твоё последнее испытание. Все очень просто: толкни её в спину и будешь жить вечно, как я!

– Кто она? – молодой ангел никогда раньше не интересовался жизнями людей, которых ему нужно было добить, чтобы окрасить свои крылья в цвет траура.

– Какая-то молодая девчонка, решившая покончить с собой. Наверно, несчастная любовь! – со смехом и безразличием ответил Сурум.

– Какая нам ангелам разница? Люди глупы и не ведают, что творят. Эта девчонка сама сделала свой выбор, просто помоги ей его принять.

Вих медленно подошёл к девушке и неожиданно для самого себя, вдруг обошел её справа, чтобы увидеть. На вид ей было не больше шестнадцати. Огромные голубые глаза, спутанные прядки розовых волос.

– Что ты делаешь, брат? Зачем ты на неё смотришь? Не смотри на нее! – закричал Сурум, но Вих не слушал его. Он заглянул в её глаза, полные отчаяния и страха.

Вих никогда не смотрел в глаза своим жертвам, не запоминал их лица, но сейчас все те, кому он помог умереть, вдруг ожили в глазах этой девочки. Ангел вспомнил их всех – молодых и старых, всех, после смерти которых, его крылья обрели чёрный окрас. «Ты помог им умереть! Ты добил их лишь для того, чтобы обрести вечную жизнь!» – эта мысль почти физически пронзила его.

– Люди такие хрупкие, но они тоже хотят жить! Я больше не хочу убивать их! – крикнул Вих брату и принял решение – сложил свои крылья и шагнул вниз с крыши спиной вперёд.

– Нееет! – закричал Сурум и бросился к краю. Девушка словно очнулась от сна. Она вздрогнула и сделала несколько шагов назад. Вих летел вниз и смотрел в её голубые, как и у него, глаза.

– Живи! – успел крикнуть он прежде, чем упал спиной на мокрый асфальт. Ангел задохнулся от боли. Оба крыла и позвоночник были сломаны. Из его красивого рта стекала струйка крови. Впервые в жизни он узнал, что испытывают люди перед тем как умереть. Вих раскаился. Страх, боль и пустота.

Дождь набивал ритм, понятный только ему, по крышам, по мостовой, по машинам, по разноцветным зонтам случайных прохожих. На асфальте лежал мёртвый ангел с ослепительно белыми крыльями.

P.S. **Vihm** – удача на эстонском. **Surm** – смерть на эстонском.

• • •

Однолетняя жизнь

Я появился на свет поздней весной. Внутри сработал какой-то механизм, который разбудил меня.

Я попробовал пошевелиться. Ноги, зажатые чем-то тяжелым, не двигались. Руками можно было пошевелить совсем немного. Темнота давила на все мое существо своим безмолвием.

Где я? Сверху на меня вдруг полилось холодное и неприятное нечто. Если бы у меня был рот, я закричал бы от ужаса, но рта не было. Я рванулся вверх, прочь из мокрой тесноты и оказался в другом пространстве, таком же темном как и предыдущее, но наполненном множеством звуков. Меня оглушило от неожиданности. У меня есть уши!

Реальность вокруг медленно двигалась, приветливо прикасаясь ко мне. Я слушал и вдыхал невидимый мир. Что-то тёплое нежно коснулось моего тела. Как приятно и хорошо. Я успокоился и уснул.

Не знаю, сколько я проспал. Тяжело следить за временем, когда ты слепой. На мои ноги снова полилось что-то холодное, но очень вкусное. Я сразу почувствовал прилив сил и вдруг увидел мир вокруг меня. Он обрёл цвет и объём. Звуки стали громче.

Надо мной склонилось какое-то существо. Оно улыбалось мне.

– Привет! – я не знал этого языка, но понимал его, – Петунья! «Пе-ту-ни-я!» – мысленно повторил я. Мне сразу понравилось это слово. Оно было таким родным и знакомым. Это существо так зовут?

– Ты зацвел! Такой красивый цветок нежно-розового цвета! А сколько ещё бутонов! – радовалось существо, наклонило голову и прикоснулось губами к моему единственному глазу. Щекотно! От охватившей меня нежности мне захотелось ответить, прижаться всем телом к ней. Почему-то я сразу понял, что передо мной девушка.

Со временем у меня появилось много глаз. Себя я по прежнему не видел, но это было мне и не нужно. Я радовался тому, что могу видеть девушку и признаваться ей в любви. Я понял, что Петунья – это я, это моё имя.

Она разговаривала со мной, кормила и часто целовала. Мне бы хотелось, чтобы это продолжалось вечно, но в мир пришла осень. Я понял это, мои глаза вяли и закрывались. Есть я больше не мог. Мои ноги отказывались принимать пищу. Я дрожал от холода.

Моя любимая склонилась надо мной. Из её глаз текла прозрачная жидкость. Она плакала. «Я люблю тебя!» – беззвучно прошептал я и умер.

Я появился на свет поздней весной. Внутри сработал какой-то механизм, который разбудил меня. Но теперь я знал кто я.

Пе-ту-ни-я!

•••

Дождливый ноябрь

Когда цепляют запахи и звуки,
Под капюшон от ледяной воды.
Когда касаются родные руки,
Всегда назавтра жди беды.

Не торопись легко поверить в счастье,
Опять по жизни сказка не права.
И ноября дождливое ненастье
Тебе нашепчет, что твердит молва.

О том, что все легко и просто.
Все двери открывают по звонку.
Не верю только в пустоту по росту.
Поверю снова головы кивку.

Занавешиваю время

Занавешиваю время занавесками.
Солнце прямо в душу. Мне мешает.
Суета уходит перелесками,
Грубо моё счастье оголяет.

Остаюсь сегодня в одиночестве.
Расплескавшийся сосуд внутри заполню
Смехом, радостью, всем, чем захочется.
Все прекрасное, что было – разом вспомню.

Зацелованный солнцем

Зацелованный солнцем умирающий снег
Укрывает траву от весны.
Время больше не спит. Ускоряет свой бег.
Забываются зимние сны.

Пыльный город свои открывает глаза.
Улыбаются окна домов.
Скоро вымоет улицы неба слеза.
Слышишь робкие песни котов?

И Нева затанцует, расставшись со льдом.
Увеличится солнечный день.
Жизнь и здесь и сейчас. Ничего на потом.
И бросайте уже свою лень!

Фамилия Радость

Была бы фамилия Радость
У этого парня в шапке.
И он не творил бы гадость,
А ставил на душах заплатки.

Он улыбался бы ночью,
Спасая во сне прохожих.
Себя проверял на прочность,
Ценил бы других до дрожи.

Он радугу сыпал в карманы,
Смешил всех котов в округе.
И вечно на чемоданах.
Лечил бы любые недуги.

Но это в мечтах, а взаправду
Фамилия парня Ивкин.
Жене говорит неправду,
Берет к коньяку запивку.

Работает разнорабочим
И даже стихов не пишет.
А путь его, между прочим,
Фамилией в жизни вышит.

Зиме. Прощальное

Зима, тебе пора уйти.
Избавь нас от своей метели.
Ты не ругайся, не грусти.
Тебя обидеть не хотели.

И проводили хорошо:
Пекли блины и пели песни.
Сожгли подругу ни за что!
Но это вовсе не из мести.

Нам просто хочется весны.
Устали кутать души в шубы.
Зима, твои дни сочтены.
Целуем на прощанье в губы.

Вдохновение

Вдохновение любит молчать,
В темноте на стене рисовать
Краской ночи смешные картины.
Показать не спешит это миру.

Любит слушать оно под дождём
Как те двое спешат под зонтом,
И как капли шуршат под ногами машин.
Отражение дня в окруженьи витрин.

Любит плакать, грустить и страдать,
Мехового кота обнимать.
Прятать в шубу его свои слёзы.
Вдохновение любит морозы.

Не спеши, погрусти, приглуши в доме свет.
Вдохновение там, где его завтра нет.
И сквозь мысли оно упадёт на листы.
Это будет оно, но прочтешь это ты.

Стихи

Стихи сочинять не просто.
Рождается мысль – пиши.
Но лучше стихи рождаются,
Когда помечтаешь в тиши.
Приходят они, словно тени,
Минувших, как прошлое, дней.
Их словно диктует нам кто-то.
Ты лишь записать их успеи.
Успеешь. Отлично, готово!
Ан нет – улетают они.
Малейшая мысль или слово —
Останется стих позади.
Стихи, как цветы на бумаге.
Играют, нас краской маня.
И лучшей нет в жизни награды,
Когда отражаюсь в них Я.

Меня вдохновляют

Меня вдохновляют строчки
Дождя на листвы бумаге,
Корявые в тексте точки,
Коньяк для тупой отваги.

Открытое настежь сердце,
Мурчанье кота в прихожей,
Но я не спешу раздеться,
Нырнуть в стихи голой кожей.

Так слишком интимно, скрыто.
Дождусь тихо ночи тёмной.
И снова окно открыто.
Рисую стихи в потемках.

Любить

Одиноко, бесцельно, не боясь опоздать,
Бродит ветер дворами, обнимая несмело.
Жаль, не сможет он душу мою оправдать.
Я немножко любила. До конца – не посмела.

Только осень до дрожи умеет любить.
Осторожно, взаправду любит лес свои сказки.
Ухожу от тебя, постараюсь забыть.
Мне приятнее верные дочери ласки.

Чайные гномы

Когда придёшь домой с мороза,
Проблемы скинь свои в прихожей.
Работа, пробки, слов занозы,
И кот встречает с кислой рожей.

Ждёт волшебство тебя на кухне.
Там чайник с чаем ароматным.
От чуда зло внутри затухнет.
Мир, вдруг, становится приятным.

Поверишь в сказку, в то, что двое,
Два добрых гнома чай здесь пили.
Теплом с душой тебя укроют.
Имбирь и мяту не забыли.

Пойдешь читать свою газету.
Такие мысли сразу бродят.
Оставишь гномам две конфеты:
Пускай они ещё приходят.

Обнажённая осень

Вот и сбросила осень последний наряд.
Обнажились стыдливо деревья и скверы.
Город пуст. Почему-то, я этому рад.
Даже осень меняет тепло и манеры.

Не укрыта листвой под ногами трава.
Всю убрали волшебные дворников руки.
Осень-женщина, вновь, бесконечно права,
Обрекая себя и всех нас на разлуки.

Я надеюсь, что скоро пойдёт первый снег.
Ляжет нежно на плечи белоснежная шуба.
Отогреет, оденет, укроет от бед.
Любит женщину-осень декабрь белозубый.

Осень

Спускается осень на город,
Желтеет деревьев листва.
Несётся к нам с севера холод.
В душе ничего. Пустота.

Подруги давно, как чужие,
Не знают совсем обо мне.
Ведь были недавно родные.
Сейчас это только во сне.

А новых искать очень сложно.
Не сразу, ведь, скажешь ты им:
– Девченки, а мне с вами можно?
Пройдемся, в кафе посидим.

Себе стала, словно чужая.
Я часто себя не пойму.
Откуда взялась я такая?
Такая вот я – почему?

Сегодня и завтра тоскливо.
А ветер срывает листву.
Совсем на душе некрасиво.
Когда я ответы найду?

Вальс осенних листьев

Снова вальс осенних листьев.
Под ногами дождь.
По своей пустынной жизни
Молча ты идёшь.

Не заглядываешь в окна
В свете фонарей.
Освежаются мгновения
Хлопаньем дверей.

Ветер волосы тревожит
Холодно и зло.
Но в душе все так-же будет
Радостно-тепло.

Рыжее Чудо

Одиннадцатилетний мальчик Миша верил в то, что в предвечерии Рождества добрые ангелы высыпают из волшебных мешков снежинки-желания на всех людей на земле и, чем больше снежинок упадёт на высунутый язык, тем больше желаний исполнится.

Он сидел на скамейке, кутаясь в старую потрепанную куртку, ждал свою маму с работы, и загадывал: «Я очень хочу, чтобы моя мамочка поправилась и нашла нам хорошего папу.»

Внезапно что-то уткнулось в его ладошку. Миша открыл глаза и увидел большую рыжую собаку. Пёс приветливо вилял хвостом.

– Привет! – поздоровался с ним мальчик, – Меня зовут Миша, а тебя?

Дворняга внимательно смотрела на парня и молчала.

– Мишаня, с кем ты там разговариваешь? – спросила подошедшая худощавая женщина.

Она совсем ничего не видела левым глазом и подслеповато шурилась.

– Мама, это мой новый друг. Он совсем один. Давай его возьмём?

– Сынок, мы сводим концы с концами. Какая может быть собака? Пойдём домой.

– Ну, мамочка, он же замерзнет. Давай оставим его хотя бы до завтра? – попросил Миша.

Светлана вздохнула. Сил, чтобы спорить с сыном, не было. Она очень устала.

На следующий день Миша предвкушал прогулку со своим новым четвероногим другом и быстро справился с поручением мамы – сходил в магазин за продуктами.

– Мама, а где моё Чудо?

– Понимаешь сынок, баба Клава принесла листовку о пропаже собаки, – начала Светлана, – оказывается, они почти по всему городу развешены. Я позвонила и хозяин его забрал. Он...

Но мальчик уже не слушал. Он закрылся в комнате и горько разрыдался.

– Как же так? Сегодня же Рождество. Это было моё Чудо.

Кто-то позвонил в дверь. Дверь в его комнату распахнулась и Миша увидел высокого мужчину с собакой.

– Кто это тут у нас плачет? – улыбнулся вошедший. – А я решил поблагодарить тебя за то, что нашёл моего Джека. Он убежал почти месяц назад и я уже не надеялся его снова увидеть. Спасибо тебе, Миша.

– Я живу совсем один, – продолжал мужчина, – я принёс продукты. Если ты и твоя мама не против, я хотел бы встретить это Рождество с Вами.

Миша улыбнулся.

«Спасибо, ангелы за настоящее Чудо!»

Ольга Борина

Россия – Санкт-Петербург

До дрожи...

Я хотела бы быть сейчас рядом с тобой...
Обнимать, не дыша, до мурашек под кожей.
Мысли шепчутся между собою, похоже,
сговорились. В глазах (навсегда) голубой

сочетается с нежностью. Чуткий апрель
прячет робость желаний от нас, осторожно
расшивая молчанье дождём и, возможно,
замедля мгновениям шаг. Карамель

ощущений (внутри) как горячий прибой,
разливаясь по телу, доводит до дрожи...
Мысли шепчутся между собою, и всё же
я хотела бы быть сейчас рядом с тобой.

Небрежность...

Вечер гибнет до срока... Немая хандра
затянула в узлы одинокие вены.
Мысли словно голодная стая (гиены)
нападают на тело. "Дожить до утра"-

шепчет бледное сердце. В глазах тишина
ходит томно по кругу, цепляясь за веки...
Чувства стонут от боли – живые колеки,
наглотавшись прохлады мгновений. Сполна

заштриховано небо свинцовым дождём.
Каждой капле достанется чья-нибудь нежность...
Вечер гибнет до срока... Простая небрежность
на холсте, что нас помнит когда-то вдвоём.

Ровно...

Дождь, стесняясь, идёт по карнизу. Темно.
В доме пахнет (немного) лавандовым маслом.
Город спрятан за шторой. Огни в домино
увлечённо играют на улицах. Властно

вторят мысли про то, что уже не отнять
у желаний тепла, и настойчиво (томно)
ночь диктует для нежности фразы, опять
задыхаясь от чувств... Соблазнительно ровно

растекается нега по телу. Сквозь стон
трепыхаются крылья, объятые страстью...
Дождь, стесняясь, идёт... И внутри камертон,
как небесная влага, доволен ненастью.

СЛИШКОМ...

Сегодня была слишком влажная ночь...
И город не спал, собирая по капле
желанья дождя. Мои мысли точь-в-точь
ловили друг друга в объятия. Вряд ли

ты помнишь о нас... В отражения луж
смотрело, как в зеркало, чёрное небо.
И взгляд безупречный, но всё-таки чужд
задумчивый цвет откровения. Слепо

бежали мгновенья от грусти. Не прочь
(хотело бы) сердце влюбиться в молчанье.
Сегодня была слишком влажная ночь...
И чувство мирилось с холодным дыханьем.

Впотьмах...

Вечер клеит на небо впотьмах облака,
осторожно шагая по крышам. Зевая,
мысли просят (с лимоном) горячего чая,
наблюдая за городом... Как бы слегка

оставляют мгновенья на сердце следы,
нарушая, похоже, молчание. Где-то
фонари обливают застенчивым светом
одиноких прохожих... Желаний цветы

распускают бутоны неспешно. Глотка
не хватает дыханию сладить с прохладой...
Тишиной наполняется вечер, что рядом
клеит (ровно) на небо впотьмах облака.

На выдохе...

Чёрствое небо... Разбросаны мысли вдоль улиц
сонного города. Времени мокнет песок
в колотой чаше весов. Мы слегка разминулись,
пробуя чувство на вкус, забывая глоток

сделать невольно... На выдохе сотни желаний
просыпаются в ночь, спотыкаясь о собственный шаг.
Сердце твердеет за миг, и следы ожиданий
нервно сминает в комок застоявшийся мрак...

Врозь...

Перепрятано сердце... Врозь
с неба падают (тихо) капли.
Город вымок, почти насквозь,
заплетая прохлады пакли

в темноту. Не срослись опять
наши мысли под шёпот ночи...
Перепрятано сердце. Вспять
суетятся желанья. Очень

беспокоит дыханье стук
не дождя, а голодной влаги...
Дрожь касается пальцев рук,
что доверили жизнь... бумаге.

Не больше, чем...

Не больше, чем ночь... Стрелки душат друг друга
шагами
негромкого эхо, пугая (слегка) тишину,
что смотрит на нас полусонными, вроде, глазами
и томным дыханием шепчет о нежности... Мну

в желаниях шёлк обнаженных мгновений...
Губами
пытаюсь поймать осторожно (до капли) тебя.
Не больше, чем ночь. И на ощупь, играя с телами,
скользит темнота... языками слепого огня.

Пустынные улицы...

Пустынные улицы... Медленно ходят трамваи.
Под вечер осипли сигналы бегущих машин.
Пугаются шороха ног голубиные стаи,
сбивая с дыхания томность поблёкших витрин.

Минуты окрашены в серый... Небесные кляксы
темнеют над крышами вросших в ненастье
домов...
И лёгкий мазок горизонта становится красным,
(буквально на вдох), притупляя застенчивость
слов.

А в это время...

А в это время... в вязкой тишине,
склонившись над открытыми глазами,
дышала темнота в лицо, губами
желая прикоснуться. Только мне

шептали мысли, чтобы не ждала
от нежности (любого) искушенья.
Боясь пошевелиться, я мгновенья
гнала подальше от себя, но мгла,

въедаясь в кожу, путала следы
чуть теплой влаги, что сковала веки.
А в это время... чувственные реки
(внутри) ломали замершие льды...

Только шорохи...

Только шорохи... Город проглотит ночь
через шаг, растворяя в себе индиго
(цвет желания). Сердце почти безлико,
уходя от мгновений неспешно прочь.

Терпеливы движения мыслей. В сон
отпускают меня (молчаливо) страхи.
Ощущаю в себе мотыльков, чьи взмахи
безразличны ко мраку. Прохлады стон

(еле слышно)... под кожу скользнул, внутри
заполняя пустоты душевных комнат...
Только шорохи улиц, немного скромно,
нарушают спокойствия томный ритм.

Знай...

Мне не снятся с тобою сны...
Каждой ночью (почти до слёз)
мысли душат желанья, врозь
разбегаясь впотьмах. Тесны

сердцу чувства моей весны...
Город, помня о нас, молчит
постоянно. Дождя визит
затянулся... Слегка красны

от печали глаза... Честны
между нами мгновенья. Знай,
нежность будет тепла, как май...
Мне не снятся с тобою сны.

СКВОЗЬ...

Обжигая о звёзды задумчивый взгляд,
город ждал, выдыхая, рассветные краски.
Тени улиц меняли застывшие маски,
проходя меж домами... Мгновенья (подряд)

исчезали во тьме. Неразборчивый свет
фонарей неуклюже бросался на ветки
полусонных деревьев. Из дымчатой клетки
вырывалась луна... Ночь ступала на след

обнажённых желаний. Манящая власть
в глубине моих мыслей шептала (до дрожи)
о тебе. И сквозь поры чуть скованной кожи
проступала по капле игривая страсть...

Неприменно...

Чай... Имбирь, немного клюквы.
Небо грифельного цвета.
Мыслей выдох смазал буквы
слов, чья томная беседа

утро нежила. Истома
сквозь мгновения степенно
просочилась... до излома
чувства. Шёпот (неприменно)

капель приласкает тело
тёплой влагой... Дня желанья
будут рядом и умело
скрасят мягкостью молчанье...

Детально...

Детально... (почти), допивая весеннее утро,
взбивая лучами тепла застоявшийся чай,
вчерашние мысли вонзались в меня поминутно,
слабея от привкуса грусти на миг. Через край

чуть странных желаний стекало (по капле)
молчанье.

И тонкие струйки бледнели, спокойно дыша...

День вновь обещал быть моим, предвкушая
свиданье

застенчивых строк между нами, что шепчет
душа.

• • •

Отпечатки...

Отпечатки тепла на разлитом над городом небе...
Утро, выдохнув солнечный шёлк, оживило дома.
Подбирая слова, улиц шёпот запутался в неге
словно бархатных мыслей, что спрятала вглубь
синева.

Осторожно шагнув по желаниям, вздрогнула
нежность.
Между томных следов просочилось молчание...
Ты
в каждом мягком оттенке весны... И, вкушая
безбрежность
говорящего сердца, рассвет был лишён наготы.

Вечереет...

По прохладной воде солнце робко крадётся
к закату.
Тёмно-синий скупится на сочность, но всё-таки...
Гладь,
привлекая небесную синь, нежно морщится. Мяту
полуголых деревьев колыхает на выдохе рать

томно-ласковых крыльев тепла... Мыслям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.